

РАНИМ утром берег, усеянный огромными валунами, бывает необычайно тих. Как-то, спускаясь по крутой тропинке к морю, я услышала голоса. Разговаривали двое — мужчина и мальчик. Разговор шел о здешних рыбных местах, о том, какая рыба на что клюет. Вдруг увидела, как мужчина, пристроив удочку на камне, широко развел руки и закинул их за спину удивительно знакомым движением.

Здесь, на пустынном берегу, не было зрителей, и артисту Михаилу Кузнецову не нужно было «быть в образе», а между тем в горячей заинтересованности, с которой он расспрашивал мальчишку, в открытом любовании и наслаждении утром, морем, солнцем увлаживались штрихи его сценического творения. Артист шурился от солнца, и виделся ленинский прищур с его добротой и лукавством; он смеялся раскатисто, сарказмально, молодо, и слышался ленинский смех; он помогал мальчику снять рыбу с крючка, ерошил его волосы, и вспоминалась сцена из спектакля, где Ленин вот так же разговаривает с мальчишкой...

Позже я поняла, что, однажды прикоснувшись к ленинской теме, артист все время находится под обаянием ленинской личности, и внутренняя, может быть, подсознательная работа над образом продолжается постоянно.

Читая написанное Лениным, Кузнецов воспринял это и сердцем, и разумом. Он много раз мысленно прошел с Ильичем через марксистские кружки и ссылку, через семнадцатый год и Брестский мир... Он знает, что думал, делал, писал, о чем мечтал Ильич, что чувствовал в такой, например, день, как шестое июля восемнадцатого года.

Влияние ленинского образа, любовь к Ильичу, как к очень дорогому, близкому человеку, глубочайшая убежденность в правоте ленинских идей, вера в ленинскую правду, в ленинские нормы жизни сформировали личность актера. Знающие Михаила Прокопьевича отмечают его скромность и неприхотливость в быту, равнодушные к собственным интересам, желание помочь каждому, кто нуждается в его помощи. Я видела Кузнецова в больших и маленьких ролях, могу утверждать, что всегда, даже в небольшом эпизоде, он играет с полной самоотдачей.

Его актерским работам свойственны и другие качества: полная непохожесть одной на другую, искренность и отсутствие не только штампов, но и просто излюбленных приемов и приспособлений.

Сложный и таинственный процесс

— рождение сценического образа — у Михаила Прокопьевича начинается иногда с детали, с биографии, придуманной экспромтом, с портрета, брошенного на листке бумаги, но непременно проходит этап долгих раздумий над пьесой, над «зерном» характера.

Обличая человеческие пороки, актер не нарушает внутренней психологической жизни образа, показывая в органическом сплаве многообразие ее проявлений, подчеркивая то, ради чего создается характер. В этом особенностью кузнецовских отрицательных образов, так же, как и положительных.

В спектакле Ставропольского теат-

временников, но и людей прошлого — это значит выявлять в них то, что наиболее дорого или ненавистно нам в их характерах сегодня, и выделять это, не разрушая естественного соотношения качеств, свойственных этим людям, — сказал как-то Михаил Прокопьевич. По-видимому, это и определяет «кузнецовский» почерк, которым написаны его большие и малые роли; по-видимому, это и есть тот метод, который дал ему творческое право на главную роль всей его жизни...

Четверть века назад режиссер театра, в котором тогда работал Кузнецов, поручил ему роль Ленина в «Юности отцов» Бориса Горбатова.

тому, что Михаил Прокопьевич к тому времени создал сценический образ Ленина в «Юности отцов» и в «Кремлевских курантах», его Володя был особенно интересен. Актер нашел и подчеркнул в юноше те черты, которые потом развились и сделали В. И. Ленина вождем мирового пролетариата.

В пытливости, пристальном взгляде Володи, в интонациях его речи, в быстрых, решительных движениях уже угадывался характер будущего Ленина. Володя спорит с братом Александром, и в непреклонных нотках звонкого юношеского голоса — тот самый металл, который впоследствии звучал в ленинских речах,

и; он любит мальчишками, взгляд его ласкает их, спокойно лежат на столе его подвижные руки. Ленину хорошо с ребятами, он отдыхает...

Невероятно трудно актеру передать многогранность, богатство ленинской натуры. Да это и невозможно! Но Кузнецов стремился к этому, и многое ему удалось.

В следующем спектакле — «Цветы живые» артист попытался не только раскрыть душевную чуткость и человеческое обаяние Ильича, но и показать его как мыслителя.

Ленин отвечает на вопросы Николая Бурятова просто и весело, с горячностью и увлечением. Но это не всезнающий и всевидящий волшеб-

шения образа вождя. «Прост, как правда», мудр и пронзателен, человек неистощимого жизнелюбия и энергии, в котором сочетаются страстность и логика, деликатность и непримиримость, — таков образ В. И. Ленина в этом спектакле.

И вот «Шестое июля» — новый шаг актера в работе над ленинским образом. Предельная лаконичность во внешних проявлениях и глубина внутренней линии, мысли позволили актеру передать самый образ ленинского мышления — ступени, по которым ленинская мысль идет от анализа к обобщению и выводам, от факта к явлению и дальше — к закону развития общества.

Театральная Лениниана Кузнецова — это годы и годы непрерывной работы над воплощением бессмертного образа. Я не берусь судить, лучше или хуже прославленных актеров играет Ленина Михаил Прокопьевич, одно несомненно — он нашел свой путь. Не всегда был этот путь гладок. Бывало, что сценическая задача решалась несколькими внешними средствами, иногда не хватало масштабности, иногда верх брали бытовые детали, но это был путь роста, путь к созданию того многогранного и яркого образа Ильича, который мы увидели в фильме «Синяя тетрадь» (режиссер Л. Кулиджанов).

Огромная человеческая правда лежит в основе этого образа, глубокое понимание обстановки, внутреннего состояния Ильича. Мы смотрим на Кузнецова в роли Ленина, слышим его спокойный голос, видим, как он улыбается, разговаривая с Колей Емельяновым, как сосредоточенно и увлеченно пишет, сидя на пенке перед круглым чурбаном, и безоговорочно верим актеру. Как будто это не художественный фильм, а кадры кинохроники из жизни Владимира Ильича Ленина.

В фильме важны не внешние события — их мало, а динамика мысли, напряженной, неустанной ленинской мысли о путях революции, о стратегии и тактике пролетариата.

Спустя почти четверть века Кузнецов вновь возвращается к «Кремлевским курантам», и вновь щедро и ярко раскрывается талант актера. Ленин в его исполнении — не только горячий мечтатель, а ученый, революционный оптимизм которого основывается на глубоком знании законов развития общества, понимании закономерности победы коммунизма.

Так играть Ильича может лишь человек, который постоянно сверяет по Ленину свои мысли, чувства, поступки. Такой художник имеет право на эту самую главную роль.

С ЛЕНИНЫМ В МЫСЛЯХ И В СЕРДЦЕ

М. СЕНКО

ра «Чти отца своего» В. Лаврентьева Кузнецов создал образ Капитона Егоровича — «самый что ни на есть рядовой колхозник». Актер увидел в авторской характеристике Капитона возможность для типизации и обобщения. При всем овеобразии и оригинальности характера его Капитон — явление типическое для нашего времени, воплощение народной мудрости и строгости, оправедливости и деликатности. Его Капитон — поистине сибирский мужичок, крутой и крепкий, как орех, — сразу не разгрызешь, не заглянешь внутрь.

Кузнецов достоверен не только в психологическом анализе характера, но и в мелочах, если точный грим, костюм, верно подмеченные внешние детали можно назвать мелочью. Мне вспоминается его дед Шукар. Вспоминается, как он ходит, старательно и браво на людях и мелко семеня на старческих негнущихся ногах, когда никто его не видит; его узловатые, скрюченные ревматизмом пальцы, которыми он перематывает портянки, произнося знаменитый монолог о том, «что душонка-то поистерпалась за долгую жизнь». Шукар Кузнецова — образ большой, почти трагедийной силы и вместе с тем полный внутреннего оптимизма.

— Создавать образы не только со-

В пьесе есть небольшой эпизод: Владимир Ильич на III съезде РКМ произносит речь о комсомоле. Артист понимал: эта роль — величайшая честь и величайшая ответственность. «Стараться не копировать, не подражать, не играть Шукина в роли Ленина, попытаться идти своим путем», — так решил артист. Он встретился с людьми, которые видели и слышали вожда, перечитал десятки воспоминаний. Он встретил человека, который был на третьем съезде комсомола. Старый рабочий рассказал ему о съезде, о Ленине на трибуне, о его речи. Речь эту Кузнецов знал наизусть и произнес несколько фраз с характерным ленинским гласироваанием, с характерными ленинскими интонациями. Рабочий закрыл глаза и слушал, улыбаясь, а потом сказал: — Верно схвачено, только он был моложе, Ильич, голос его звучал звонче с трибуны...

Документы, воспоминания, книги помогли актеру найти ключ к образу. Маленький эпизод в «Юности отцов» стал началом большой работы над образом вождя.

В 1945 году Кузнецов сыграл роль В. И. Ленина в «Кремлевских курантах».

А следующая работа — Володя Ульянов в «Семье». Может быть, по-

В последних эпизодах пьесы мы видели Владимира Ильича уже закаленного испытаниями — тюрьмой и ссылкой, руководителя растущего революционного движения. Он еще очень молод и напоминает нам Володю Ульянова раскатистым юношеским смехом, неожиданными переходами от шуток к серьезному разговору. Но он живет уже в другом ритме, напряженным, ускоренном, каждая секунда ему необычайно важна и дорога; сейчас главное — время, которое работает на революцию.

Когда в Ставропольском театре приняли к постановке «Именем революции» М. Шатрова и роль Ленина поручили Михаилу Прокопьевичу, он взволновался: «Как сделать, чтобы не повторить сыгранное, показать те перемены, которые произошли в Ленине за годы, прошедшие с последнего акта «Семьи» до 1918 года, когда мы встречаемся с ним в новой пьесе. Что пережил Владимир Ильич за это время, как изменился не только внешне, но и внутренне?»

Главной чертой в исполнении Кузнецова стала любовь Ильича к детям, забота о миллионах подростков, которым предстояло продолжать дело отцов — строить коммунизм. Сцена чаепития в кабинете — лучшая в спектакле. По-домашнему прост Иль-

ник, а мыслитель, предвидевший явление и теперь живо интересующийся, «а как оно получилось на деле». Бурятов рассказывает о своих сомнениях, тревогах; Ленин слушает, чуть склонив голову к плечу, и мы понимаем, как важны ему эти повседневные рабочие дела, чувствуем, как рождается в недрах гениального мозга мысль. Он высказывает ее просто, даже интимно вначале, постепенно загораясь и загораясь всех вокруг страстной убежденностью: «Что бы вы ни видели в жизни дурного, даже страшного, никогда не сомневайтесь насчет русского рабочего класса. Это лучшее, что создало человечество за тысячелетия своего развития».

Эта единственная в пьесе ленинская сцена проводится артистом так правдиво, с таким внутренним тактом, что забываешь об условности «ожившего портрета» и о том, что Ленина нет с нами.

Через год после «Цветов живых» состоялась премьера «Третьей патетической». «Политик до мозга костей» и самый человеческий человек — вот суть погоднического решения образа В. И. Ленина в этой пьесе. От частного, конкретного жизненного случая к важному и точному обобщению, выводу — этот принцип положен здесь артистом в основу сценического ре-